

ражается патриарх в письме к самому архиепископу Ефросинию. Побуждая того беспрепятственно выдать апокрисиариям все требуемые документы, он дает понять, что знает о существовании таковых: «как мы помним и находим в священном кодексе Великой Церкви» (*καθὼς καὶ ἡμεῖς μεμνημένα, καὶ ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι . . . εὐρίσκόμεν*), — говорит он. Итак, в регистре патриархата были уже зарегистрированы и, очевидно, скопированы документы, подтверждающие права Суздаля на оспариваемые города, и тем не менее патриарх требует от апокрисиариев, чтобы они сняли дословные копии с оригиналов этих документов и доставили их в Константинополь. Это уже заставляет нас сделать существенную поправку к умозаключению Герланда:¹⁹ речь, очевидно, могла идти о том, чтобы произвести сличение текста документов, находящихся в руках получателей, с текстом этих же документов, но уже скопированных в регистре патриархата, т. е. в конечном счете произвести экспертизу подлинности документов. Была ли эта работа проделана в полном объеме, сказать трудно, но и приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с фактом широкой проверки византийских документов на Руси, с фактом, который лишний раз весьма красноречиво говорит о теснейших узах, связывавших средневековую Русь с Византийской империей.

Л. Г. КАТУШКИНА

ТЕРМИН «КОНСУЛЬ»
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ИТАЛИИ XV в.

«Ambassiator est legatus principis
in arduis negotiis».

(Alberico de Rosante.
Vocabularius, a. 1350, p. XII).

Тот факт, что именно Италии (а в Италии—Венеции) принадлежит авторское свидетельство на создание одного из основных инструментов межгосударственных отношений — «современной»

¹⁹ В поисках объяснения причин этого интересного факта (снятия копий) Герланд высказывает и другое соображение: снятие в России копий с императорских документов, полагает он, связано с реформой в области византийской дипломатии. Он имеет при этом в виду известный указ императора Мануила II Палеолога и патриарха Антония от 12 июня 1394 г. о том, чтобы впредь в их документах при датировке указывались не только месяц и индикт, но также день, месяц и год (MM, II, p. 214—215, № 462). Этот указ был подкреплен синодальным определением (*ibid.*, p. 215, N 468; ср.: Gerland E. *Op. cit.*, S. 34, Anm. 3). Нам подобное объяснение кажется несостоятельным хотя бы потому, что указанная реформа была осуществлена значительно позднее нашего события и по своему смыслу никак не могла быть связана с ним.

дипломатической службы, давно установлен и не вызывает возражений.¹

Отметим, что это один из немногих моментов в истории Италии XV в., изложение которого не сопровождается прямым или косвенным сожалением по поводу пресловутой раздробленности Апеннинского полуострова. Ведь именно плюралистичность государственных образований, с трудом уместившихся на небольшом пространстве полуострова, насквозь пронизанных противоречивыми токами взаимоприятия и отталкивания, и создала потребность и необходимость в разветвленной сети дипломатических представительств, среди которых был такой совершенно неведомый до тех пор институт, как *ambasciatori residenti*.

Процесс оформления новой системы дипломатических отношений — стабилизация дипломатической номенклатуры, протокола, статуса послов (в том числе и таких существенных элементов, как дипломатический иммунитет и экстерриториальность посольских резиденций и пр.) — растянулся на полтора столетия, не менее. И установить момент, на котором можно было бы поставить точку, трудно. А вот датой рождения постоянных дипломатических представительств можно с достаточным основанием считать 23 июля 1450 г.,² а местом рождения — Венецию. Она и в дальнейшем, по крайней мере до середины XVI в., занимала первенствующее положение в Европе как в теории, так и в практике посольского «дела». Объяснение причины выходит за рамки этого этюда. Отметим лишь, что в современной литературе дата рождения «современной» дипломатии оспаривается. Связывая ее все с той же Венецией, ее относят то к 30-м годам XV в., то уводят чуть ли не в XIII в.,³ низводя факт создания нового вида дипломатического представительства к простой эволюции таких должностей, как *baiulo* в Константинополе или *consul generale di Puglia* в Трани.⁴ Не отрицая формальной генетической связи между этими институтами, особенно во втором случае, некоторые аспекты которого и будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения, считаем нужным подчеркнуть, что между консульскими институтами XIII—XIV вв. и институтом постоянных послов существует, на наш взгляд, такая же принципиальная, квалификативная разница, как и между Италией городов-

¹ Maulde La Claviere M. M. *La diplomatie au temps de Machiavel*. Paris, 1892; Fueter E. *Geschichte des Staatensystems in Europe von 1492 bis 1592*. München, 1919; Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. New York, 1955.

² A. S. *Venezia Senato—Secreti*, XVII, f. 199a.

³ Queller D. *The office of ambassador in the Middle Ages*. Princeton, 1967, p. 80—81.

⁴ Nicolini F. *Trammenti venetá napolitani*. Studi di storia napoletana in onore di Michelangelo Schipa. Napoli, 1926, p. 4—7.

коммун и феодальных княжеств и Италией региональных государств. Новый дипломатический институт был порождением той весьма особенной эпохи в политической истории Италии, которая охватывает собой 1450—1530 гг. Впрочем, сия тема опять же не для этих страниц.

Занимаясь изданием донесений (*disparci*) пизанского посла Джованни Мариани в Венеции (1495—1497 гг.), мы столкнулись с необходимостью объяснить титулатуру этого посла. Он именовал себя «*consul et orator*». Непонятной была первая часть титула, вторая (*orator*) — термин, к тому времени достаточно прочно утвердившийся в канцелярской практике для обозначения постоянного посла, посла-резидента в отличие от *ambasciatore*, который расшифровывался как *ambasciatore occasionale*. Титул консула не находил никаких объяснений в реалиях административной и политической жизни Второй пизанской республики (1494—1509 гг.), его невозможно было вывести и из предшествовавших назначению послом должностей и званий самого Мариани или других лиц, причастных к пизанской администрации. В Пизе этого времени таких должностей (*cariche*) вообще не существовало. Возводить же этот титул к традициям и практике XIII в. нам представляется необоснованным.

Решение придет, если обратиться к рассмотрению дипломатической практики Венецианской республики, точнее к событию такой первостепенной важности в истории дипломатии, как установление первого постоянного политического представительства. Как мы уже упоминали, это произошло 23 июля 1450 г. и зафиксировано в решении Совета Прегади Сената Венецианской республики.⁵ Немного предыстории. В тот день, когда в Ферраре был подписан мирный договор между Альфонсо I Арагонским и Венецианской республикой, полномочный представитель неаполитанского короля обратился через не менее полномочного (*prepotenziario*) представителя Венеции Паскуале Малипьеро к правительству Светлейшей с предложением «в целях установления более совершенной дружбы» и заключения союза обмениваться послами.⁶ Предложение было принято (8 июля) и назначен посол, миссия которого не должна была отличаться по своему характеру от обычной миссии *ambasciatore occasionale*. Однако Совет Прегади, вырабатывая инструкцию новому послу, вынес постановление, совершенно менявшее сложившуюся дипломатическую практику. Было решено просить «в соответствующих и пристойных случаю выражениях» («...cum his et aliis accommodatis

⁵ Этот документ, неоднократно упоминавшийся в литературе, до сих пор не опубликован.

⁶ Malipiero D. *Annali veneti*. — ASI, 1843, vol. 7, part I, p. 5.

et pertinentibus verbis») у неаполитанского короля разрешения на приобретение в Неаполе дворца в полную собственность республики, дабы там мог проживать «unum de nobilis noster», «который был бы нашим постоянным консулом при Вашей Светлости» («qui per tempora esset consul et orator noster aper Suam Serenitatem»).⁷

Согласие было получено, и в Неаполь отправился первый постоянный дипломатический представитель Венецианской республики (постоянное посольство в Риме было учреждено только в 1464 г.) — Маттео Веттури. Начиная с этого времени венецианские послы разных рангов постоянно аккредитовываются, как сказали бы мы теперь, при неаполитанском правительстве вплоть до 1797 г.⁸

Ряд исследователей полагают, что факту установления постоянной посольской резиденции в Неаполе нельзя придавать столь децизивное значение, так как, мол, Венецианское правительство не осознавало величины своего шага (аргумент весьма сомнительный), преследуя лишь цель восстановления должности и роли своего постоянного консула (Console generale di Puglia), — института, основанного еще в 1257 г., и только постепенно его посольские функции выступили на первый план. При этом указывается, что «апулийский консул Венеции» и раньше уже выполнял отдельные поручения дипломатического характера (например, при заключении договора с Роберто Неаполитанским в 1332 г.) и что с 1340 г. консулу вменялось в обязанность проживать в Неаполе 9 из 12 месяцев (постоянная резиденция консула была в Трани).⁹

Все эти наблюдения совершенно справедливы, и формальная связь между должностью постоянного консула и должностью посла-резидента несомненна. Она отразилась даже в титуле, который носили первые постоянные венецианские послы в Неаполе, — *consul et orator* (впрочем, титул этот был недолговечен). Но исследователи забывают о некоторых принципиальных, на наш взгляд, отличиях.

Во-первых, посол состоял непосредственно при особе короля и его правительстве и представлял интересы одного суверенного государства в другом. Должность же консула, несмотря на все его высокое положение, была основана на привилегии, своего рода феодальном пожаловании неаполитанских королей, и на практике скорее отражала состояние ущемления суверенитета одной из

⁷ A. S. Venezia Senato—Secreti, XVIII, f. 199b.

⁸ Длительный перерыв посольских отношений приходится на 1501—1564 гг. в связи с испанским завоеванием Неаполитанского королевства и неопределенностью его юридического статуса.

⁹ Nicolini F. Itinerari degli agenti diplomatici veneti a Napoli.— Bolletino dell'Historico in Napoli, 1956, fas. 9—12, p. 359—361.

сторон, но не равенство их.¹⁰ Во-вторых, новый представитель не имел никаких других поручений, кроме политических, причем в совершенно не встречавшемся ранее аспекте: его задача — внимательное наблюдение за всем происходящим в государстве («*con gli occhi ben'aperti*») и постоянная связь с королем и его правительством. Новая функция существенно отличалась от той, которую ранее выполнял консул — защитник торговых привилегий Венеции в Неаполе. И наконец, в-третьих (момент формальный, но существенный), время выполнения поручения послом ничем не ограничивалось, а консул назначался ранее сроком на два года, и срок этот контролировался не только Венецией, но и неаполитанским правительством.

Перечисленные выше три момента, отличающие постоянного посла от средневекового консула как юридически, так и функционально, позволяют говорить не об эволюции существовавшего ранее института, а о создании принципиально нового вида дипломатической службы и новых дипломатических отношений.

Что до интересовавшего нас частного вопроса о титуле Джованни Мариани — *consul et orator*, — то, не найдя других аналогий в итальянской дипломатической номенклатуре XV в., мы склонны рассматривать его как прямую аппликацию неаполитанского казуса. Правительство Второй пизанской республики в результате потери городом независимости еще на заре XV в. и перерыва постепенности в административной и политической практике многое должно было заимствовать в готовом виде из практики других итальянских государств, в особенности при создании такого нового для всей Европы института, как постоянное дипломатическое представительство с его правилами и функциями. Многие пизанцы заимствовали непосредственно из венецианской практики — ведущая роль ее в этой области была несомненна. Однако в случае с Мариани опыт был почерпнут не прямо из Венеции, а из Неаполя, где, как известно, проживали тысячи пизанских изгнанников, многие из которых играли существенную роль в экономической и политической жизни новой родины — Неаполитанского королевства. Эти неаполитанские пизанцы с первых же дней создания Второй пизанской республики проявили живейшее участие и интерес к ее деятельности и судьбе. Они, по-видимому, и подсказали этот странный титул для постоянного посла Пизы в Венеции.

¹⁰ Акт пожалования Венеции привилегии присутствия ее консула в Трани со всеми вытекающими отсюда последствиями см.: *Carabelli e. Le relazioni commerciali tra Puglia e Venezia dal s. X al XV.* V. I. Trani, 1897, p. 54. — В дальнейшем они неоднократно рассматривались.